

есть категория не биологическая, а социально-экономическая, то и основной элемент этого хозяйств так же не есть категория биологическая (ботаническая, зоологическая), а хозяйственная. Охотугодьями мы обеспечиваем охотпользователей для того, чтобы они могли вести охотничье хозяйство – в этом основа. Следовательно – классификация и оценка этих угодий должны зависеть главным образом от их производственной ценности.

Охотхозяйственная ценность обычно определяется размером добычи разных видов. Максимальной она будет в случае использования всех видов госохотфонда населяющих данное угодье. Надо сказать, что это и есть условие, которое в наибольшей степени определит рентабельность самого хозяйства и на его соблюдение надо обращать самое пристальное внимание.

Литература

- 1 Гассовский Г.Н. Охотничий промысел бассейна р. Анадыря и его реконструкция. Тр. НИИ Полярного земледелия. Л.: ГУСМП. 1939.
- 2 Данилов Д.Н. Принципы типологии и бонитировки охотничьих угодий // Вопросы биологии пушных зверей. М. 1953.
- 3 Дягилев В.Ф. Геоботаника в охотустройстве // Советская ботаника. 1934. № 4.
- 4 Дягилев В.Ф. Минимум – ареал упсальской школы геоботаников в практике охотоведа-биолога // Советская ботаника. 1936. № 5.
- 5 Книзе А.А. и Леонтьев В.В. Основные вопросы охоттаксации. М.: КОИЗ. 1934.
- 6 Подаревский В.В. Проблемы охотхозяйственной акклиматизации в Восточной Сибири. Иркутск. 1936.
7. Полубояринов Г.В. Организация охотничьего хозяйства. Гостехиздат. 1934.
8. Сдобников В.М. О принципах классификации охотугодий // Советская ботаника. 1937. № 3.
9. Скалон В.Н. и Скалон Н.Н. Белка и опыт оценки беличьих угодий // Тр. Кяхтинского краеведческого музея и Кяхтинского отделения ГО СССР. Т. XVI, вып. 1. 1949.
10. Скалон В.Н. и Скалон Н.Н. Белка в верховьях Нижней и Подкаменной Тунгуски // Известия Биолого-Географического Института при Иркутском Госуниверситете. Т. XII, вып. 2. 1950.

ПРИРОДА МОНГОЛИИ В ТРУДАХ ПРОФ. В.Н. СКАЛОНА

Дёмин А.И.

Байкало-Ленский госзаповедник, Иркутск

Как известно, творческая деятельность проф. Василия Николаевича Скалона была широка и многогранна. Его научные

интересы были связаны не только с вопросами охотоведения и близкими к ним биологическими дисциплинами, но и такими как физическая география, этнография, археология, история и другими. Особый интерес в его научном наследии вызывают публикации, посвященные природе Монголии, где работал он сравнительно недолго (1943-1947 гг.), но весьма плодотворно. Занесённый военным лихолетьем рядовым солдатом на её территорию он, как бывший сотрудник противочумной службы страны, был определен в состав военного противочумного отряда, располагающегося в Хэнтэйском аймаке МНР. Изучение мышевидных грызунов, являющихся носителями чумы, было целью его деятельности. Как указывает Т.Н.Гагина (2003), он сразу установил деловую переписку с рядом ведущих специалистов этого направления, в том числе и Иркутского противочумного института. Особое внимание, при изучении грызунов, Скалон обратил на монгольского сурка (тарбагана), имеющего не только большое биоценотическое значение в горных степях страны, но и промысловое у местного населения.

Серьёзную роль в этот период деятельности сыграло его участие в научной экспедиции по просторам восточной части страны, организованной в 1944 г. Монгольским университетом. Основан он был в 1942 г. В то время состав его преподавателей в основном состоял из советских специалистов. Один из них, доцент Андрей Григорьевич Банников, был заведующим кафедрой биологии и зоологии этого учебного заведения. С ним В.Н. Скалон провел в экспедиции все «жаркое лето» 1944 года. Не раз после этого они печатались вместе, а в октябре 1945 г. даже заменил его в университете на указанной должности.

В ноябре 1944 г. в Улан-Баторе состоялась первая научная конференция, для участия в которой был откомандирован из военной части и В.Н. Скалон. Интересно, наверное, было видеть как этот рядовой, в простой форме русского солдата, с достоинством представлял свой доклад. В нем говорилось о том, что вся Монголия – громадный природный заповедник (этот тезис потом будет неоднократно использоваться другими лицами – специалистами и общественными деятелями – авт.), что нельзя бездумно изничтожать тарбагана, указывалось на необходимость организации противочумной

охраны СССР у границ Тувы и Алтая и о других важных вопросах. Выступление его произвело на слушателей весьма благоприятное впечатление и уже на следующий год, после демобилизации, он был приглашен на преподавательскую деятельность в Монгольский университет и стал заведующим вышеупомянутой кафедры. С его именем связано создание в нём зоологического музея, научной библиотеки. При активнейшем участии Скалона в 1946 г. выходят три первых выпуска Ученых записок Монгольского университета.

В начальном выпуске публикуется его обширная статья «Наблюдения над образом жизни даурского цокора в Монголии» (Скалон, 1946), в которой он обстоятельно описал экологию этого зверька, в том числе характеристику основных стаций, устройство нор и гнезд, состав кормов, суточную активность и т.д. Весьма серьезное значение и поныне имеет его статья, написанная совместно с П.П. Тарасовым, «К изучению причин и механизма чумной энзоотии в Монголии и Забайкалье» (Скалон, Тарасов, 1946 а), опубликованная во втором выпуске. В этой работе авторы указывают, что у тарбагана – шиншилки энзоотий чумы – расселение молодняка не имеет существенного значения в их развитии. По мнению авторов, зависят они больше от физико-географических и биоценологических условий конкретных участков. Роль «блошиного фактора» в распространении инфекции хотя и велика, но не абсолютна. Большое значение в этом имеет перетаскивание трупов чумных тарбаганов собаками. Роль жуков-группедов, резко выраженная в Забайкалье, в Монголии ощущается слабо. Для достижения успехов в противочумной системе они предлагают перестроить методику полевых наблюдений, обратить большее внимание на изучение механизма энзоотий, в частности, выяснение их зависимости от плотности грызунов, состояния кормов, паразитов, переносчиков (главным образом хищников), локализаторов (насекомых), продолжительность сохранения активности чумным микробом на определенном месте. В целях получения сравнимых результатов исследований, авторы убедительно настаивают на необходимости разработки единой методики обследования очагов эпизоотий.

Невозможно не изумляться богатству знаний указанных авторов о том значении, который имеет кедр в природе, когда познакомишься со

статьей «О роли кедрового дерева в жизни таежных зверей и птиц в Монголии и Сибири», помещенной в третьем выпуске Ученых записок МонГУ (Скалон, Тарасов, 1946 б). С первых строк её читатель познает, - почему многие пернатые (синицы, поползни, дятлы, совы и др.) и мелкие зверьки (белка, бурундук, иногда соболь) за его мягкими лохматыми ветвями находят надежное убежище и приют; о том, что плоды этого дерева обеспечивают пищей не только стаи кедровок, кукушек, соек, клестов и других птиц, но и таких солидных зверей как медведь и кабан, а хвою потребляет глухарь. Столь же важную роль выполняет в жизни диких животных и кедровый стланик. Неоценимо биоценологическое значение и других функций этих растений, о чем пишется в данной работе.

В сентябре 1947 г. В.Н.Скалон вернулся в Иркутск, но материалы научных исследований, собранных на территории Монголии ещё долгое время служили ему основой для многочисленных публикаций – разносторонних по тематике и направлению. В некоторых из них он выступает как прекрасный натуралист. Удивляешься, насколько тонко автор подмечает, каким образом заботится о сохранении кормовых запасов пищуха Прайса, либо альпийская или даурская пищухи! Это родственные виды, всем им присуща забота о безопасности своих кладовых, но, как указывает В. Скалон (1948) проявляют они её по-разному, а как это происходит – об этом и пишется в статье. В другой работе «Новая форма тарбагана из Монголии», опубликованной им совместно с А.Г.Банниковым (Банников, Скалон, 1949), чувствуется уже мысль опытного, незаурядного систематика. Такое отмечается и в других его работах.

В период нахождения В.Н.Скалона в МНР им была собрана громадная коллекция млекопитающих (500 экз), просмотрено свыше 10000 грызунов, сделано более 1000 сборов эктопаразитов, раскопано 170 нор и т.д. (И это только в Хэнтэйском аймаке! Вот он пример его поразительной работоспособности!) Отчасти, на основании указанных сборов, им написана статья «К фауне млекопитающих Кентейского аймака Монгольской Народной Республики» (Скалон, 1949 а). В ней автором дан аннотированный список из 61 видов, в состав которых им были включены бобр и кулан. На основании расспросных сведений местных жителей Скалон установил, что ещё в начале 20 века, вдоль р.

Мензя, стекающей с Кентейского хребта и впадающей в р. Чикой, водился бобр. Обитал в этом аймаке незадолго до работ здесь данного исследователя и кулан. Его последняя особь была уничтожена в 1934 г. В следующей статье «О былом распространении диких баранов и кулана в Южной Сибири» Скалон (1949 б) указывает, что одной из причин сокращения ареала кулана является изменение климата на территории Монголии, вызванного поднятием хребтов Саяна. Способствовало этому и хозяйственная деятельность человека, – развитие скотоводства (особенно коневодства), – которое «помогло» исчезновению этого вида сначала в Минусинских степях, затем в Забайкалье и восточной Монголии. Сохранился он только в полупустыне восточной части Гоби. Ссылаясь на Г.Радде он пишет, что дикие бараны-архары погибли в Забайкалье и восточной Монголии после необычайно многоснежной зимы 1831-1832 г.; уцелевшие особи пали от рук человека.

Немало внимания проф. В.Н.Скалон уделял судьбе монгольского сурка – тарбагана. По его мнению, этот вид, как и весь род Сурки, возник в конце третичного периода на территории западной Монголии. На их распределение большое влияние оказало поднятие Саянских и Алтайских гор, отгородивших её от влияния северных ветров. В связи с этим некогда влажная эта часть Монголии постепенно стала высыхать, что привело к расчленению их ареала. С древнейших времен тарбаган в данной стране имел большое промысловое значение. Однако в начале 20 века возник вопрос о сокращении его численности в связи со стремительным развитием мехокрасочной промышленности, вызвавшее истребление данного вида в восточном Забайкалье и Манчжурии (Скалон, 1950; Скалон, Банников, 1950).

За годы пребывания в Монголии В.Н. Скалон собрал немало устных сведений о современном обитании бобров в западной части Монголии – на р. Булган, в системе рек Черного Иртыша (эти сведения затем были подтверждены сотрудником его кафедры А. Дашдоржем). Он считал, что бобры на территории данной страны исчезли не в силу физико-географических условий, а были истреблены человеком ещё в домонгольский период, о чем говорит редкость упоминаний о них в фольклоре и эпосе (Скалон, 1951).

Развивая взгляды Г.Е.Грум-Гржимайло, В.А.Смирнова, А.Беркли и Ф.Морриса, Л.С.Берга и других ученых В.Н.Скалон (1955,1956) на основании анализа данных по современному расселению жителя лесостепи – цокора, нахождению гнезд земляных пчел, в ныне опустыненных котловинах ряда озер Монголии; палеонтологическим материалам былого расселения бобра еще раз приходит к выводу о недавнем и быстром изменении климата западной Монголии в сторону усыхания, вызванного поднятием гор Саяна и Алтая, разделяющих Сибирь и Монголию. «Вся эта система мощных хребтов, - пишет он, - поднявшись определила судьбу климата прилегающих с юга территорий, отгородив их от основных ветров и большинства осадков» (Скалон, 1956, с. 92). Этот процесс, на его взгляд, имел огромное влияние на природу данной территории страны и хозяйственный уклад населения.

Анализируя содержание рисунков на палеогеографических памятниках старины, в частности композицию изображений Дурбильджанской писаницы, найденной в местности Дурбильджан на р. Тола, В.Н.Скалон (1955) предполагает, что древнее население Монголии широко использовало в хозяйстве крупный рогатый скот, - по-существу, скотоводство предшествовало коневодству. На этой писанице выделяется фигура человека, идущего за сохой, которую тянет бык. Выше этого рисунка нанесена на камне сцена охоты двоих людей, вооруженных луками, на группу животных, среди которых угадываются лось, коза, горный баран, горный козел. Отдельно изображен мирно стоящий северный олень. На другом рисунке, на камне, обнаруженном близ г. Улясуйтай, изображен человек, сидящий на ковре, покрывающим спины двух оленей, обращенных головами в противоположные стороны. Это приводит Скалона к мысли на возможность развития оленеводства в древней Монголии, которое могло сосуществовать с использованием рогатого скота её населением. Наличие «оленных камней» (оленные камни – каменные стелы с изображениями оленей, являющиеся памятниками бронзового века, – более часто они встречаются в западной Монголии – авт.) и анализ изображений на них, по его мнению, достаточно четко указывают на прирученность, хозяйственное использование оленей в древности. Исходя из этого, он пишет (Скалон,1956), что корни домашнего

оленоводства имеют саяно-алтайское происхождение, а современное саянское оленеводство (в Тофаларии, Туве) является осколком обширного монголо-южносибирского оленеводства древности; сами саянские оленеводы – горными остатками древнейшей культуры, далеко отошедшей на север. Со временем оленеводческий быт местного населения был заменен земледельческим, затем скотоводческим, что явилось следствием, в первую очередь, изменения климата.

В.Н.Скалон (1956) впервые объяснил пути смещения оленеводства с южных территорий на север. По этому поводу он писал так: «... Путь оленеводов с их прародины не был широк. Он, видимо, определялся сначала правобережьем Оби от водораздела с Енисеем, захватывая затем Томь и переходя отчасти на левый берег Оби. Интересно, что следуя этим путем, мы примерно от широты Чулыма вступим в область бесконечных болот, характерных обширными ягельниками боров, и чем дальше к северу, тем меньше будет облесенная площадь. Между Вахом и верховьями Таза озерноболотная страна оставляет лесу узкие полоски. А с севера лесотундра доходит до широт истоков Пура и системы озер Мозль-То, вероятно южнее, где-бы то ни было» (Скалон, 1956, с. 101). Эти пространства, как указывает он, служат «воротами» для пролетных водоплавающих, песцов и тундровых волков. Ими в древности могли воспользоваться и уходившие на север племена. Благо здесь повсюду был, как есть и сейчас, корм для оленей, и в этих условиях они оказывались недоступными для конных врагов, нажимавших на них с юга. Эти положения его в значительной мере согласуются с современными этнографическими данными, полагающими, что первое движение оленеводов (в него входили самодийские этнические группы) на север началось в первом тысячелетии нашей эры, до переселения туда угорских племен.

К сожалению, требуемый объем статьи не позволяет нам с большей обстоятельностью раскрыть научное наследие проф. В.Н.Скалона, посвященное природе Монголии. Но и те публикации, содержания которых коснулись мы, говорят о том, какие прекрасные ученые-преподаватели стояли у истоков начала деятельности

факультета охотоведения ИСХИ (ИрГСХА), среди которых особенно выделяется деятельность этого замечательного человека.

Литература

1. Банников А.Г., Скалон В.Н. Новая форма тарбагана из Монголии//Доклады АН СССР. М., 1949. Т. 65, № 3. С. 377–379.
2. Гагина Т.Н. Жизнь и научная деятельность В.Н.Скалона. Иркутск: Вост-Сиб. АТП, 2003. 376 с.
3. Скалон В.Н. Наблюдения над образом жизни даурского цокора в Монголии //Уч. зап. Монг. ун-та, 1946. Т. 1, вып. 1. С. 46-62.
4. Скалон В.Н. О некоторых экологических приспособлениях монгольских грызунов //Природа, 1948. № 6. С. 65.
5. Скалон В.Н. К фауне млекопитающих Кентейского аймака Монгольской Народной Республики //Бюлл. МОИП. Отд. биологии, 1949. Т. 54. С.3-15.
6. Скалон В.Н. О былом распространении диких баранов и кулана в Южной Сибири //Труды Кяхтинского краеведческого музея, 1949. Т. 16, вып. 1. Улан- Удэ: Бурмонгиз, 1949. С. 81-88.
7. Скалон В.Н. Некоторые замечания по истории сурков //Известия Иркутского противочумного ин-та. Иркутск: Облгиз, 1950. Т.8. С. 4-13.
8. Скалон В.Н. Речные бобры Северной Азии. М.: МОИП, 1951. 206 с.
9. Скалон В.Н. К материалам о древнем скотоводстве западного Забайкалья //Изв. Иркутского сельскохозяйственного ин-та, 1955. Вып. 6. С. 285-300.
10. Скалон В.Н. Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства //Советская археология, 1956. Т. 25. С. 87-105.
11. Скалон В.Н., Банников А.Г. Географическое распространение сибирского тарбагана //Изв. Ирк. противочум. ин-та. Иркутск: Облгиз, 1950. С. 14-26.
12. Скалон В.Н., Тарасов П.П. К изучению причин и механизма чумной энзоотии в Монголии и Забайкалье //Уч. зап. Монг. ун-та, 1946 а. Т.2, вып.2. С.1-25.
13. Скалон В.Н., Тарасов П.П. О роли кедра в жизни таёжных зверей и птиц в Монголии и Сибири // Уч. зап. Монг. ун-та, 1946 б. Т.2, вып.3. С. 1-15.